

УДК 398.3
ББК 82.3

Туха-оленеводы Монголии: вехи истории и современное состояние

Жанна Монгеевна Юша

(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН:
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3)

Аннотация. В работе на основе опубликованных и новых полевых материалов охарактеризованы важные исторические события XX в., произошедшие в жизни туха-оленеводов Монголии, проанализировано современное состояние данной этнической группы, которая в научном плане малоизучена, что составляет актуальность и новизну проведенного исследования. Рассмотрены волны миграционных процессов и ухода туха-оленеводов из Тувы в Хубсугульский аймак Монголии, определены основные причины, связанные с различными социально-экономическими факторами. Проанализировано современное состояние этнической группы, их самоназвание и идентичность, приведены сведения о современном этническом составе туха и его численности. Уделено внимание новообразованному этнониму цаатан в значении «имеющий оленей», распространенному в Монголии для обозначения туха-оленеводов, ведущих отличный от монгольских скотоводов хозяйственную деятельность. Отмечена устойчивая приверженность оленеводов к шаманской традиции, несмотря на усилия корейских миссионеров обратить их в другую веру. Рассмотрены вопросы языковой ситуации малочисленной группы в иноэтнической среде, утрата родного языка детьми, билингвизм среднего и старшего поколений, особенности имянаречения на двух языках (на родном и монгольском), использование топонимов на родном языке. В условиях современного анклава показаны сохранность и изменчивость некоторых мифологических представлений и обрядовой практики у туха-оленеводов в сопоставлении с тере-хольскими тувинцами на примере мифологического персонажа Бадыкишаан и в проведении календарных празднеств и обрядов.

Ключевые слова: туха-оленеводы, трансграничные регионы Тувы и Монголии, исторические события XX в., современное состояние анклавной традиции, мифологические представления и обрядовые традиции

Дата поступления статьи: 16 сентября 2025 г.

Дата публикации: 25 декабря 2025 г.

Для цитирования: Юша Ж. М. Туха-оленеводы Монголии: вехи истории и современное состояние // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 4. С. 111–121.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.4.009>

ВВЕДЕНИЕ

Тувинский анклав Монголии, согласно территории современного расселения, условно разделяется на три большие группы: тувинцы-скотоводы, проживающие в Северо-Западной Монголии; тувинцы-оленеводы региона Хубсугулья; скотоводы и земледельцы, переселившиеся в Центральную Монголию [Юша 2025, 220]. Все тувинские группы, дисперсно проживающие в Монголии, своей исторической родиной считают Туву, относят себя к части тувинского этноса.

Туха, или тувинцы-оленеводы Монголии, проживают в северной части страны на территории отдаленного и труднодоступного Хубсугульского аймака, их основным хозяйственным занятием, как и раньше, является разведение оленей. Места сезонных кочевок оленеводов находятся в высокогорной тайге недалеко от российско-монгольской пограничной зоны. Территория Хубсугульского аймака граничит с Республикой Бурятия (места проживания сойотов), Иркутской областью (места проживания тофаларов), Тере-Хольским кожууном Республики Тыва, что повлияло на существование давних историко-культурных контактов между тюрко-монгольскими и оленеводческими народами в этом регионе.

На сегодняшний день язык, традиционная культура, жизнь и быт оленеводов Монголии малоизучены, на эту тему имеется небольшое количество научных публикаций ([Бадамхатан 1996; Рагагнин 2011; Биче-оол, Самдан 2012; Серен 2014; Чулуун 2014; Куулар, Сувандии 2017; Сыртыпова, Наранцэцэг 2023] и др.).

Цель данной статьи — рассмотреть исторические события, произошедшие в жизни туха в течение XX в.; охарактеризовать современное состояние этнической группы, проанализировать сохранность и изменчивость некоторых мифологических представлений и обрядовой практики. Источниками для написания статьи

послужили опубликованные и архивные материалы, а также полевые исследования, проведенные автором в 2011 и 2025 гг. в стойбищах оленеводов в Баруун и Зуун тайге Хубсугульского аймака, а также в Тоджинском (2003) и Тере-Хольском (2024) кожуунах Республики Тыва.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ ТУХА В XX в.

Туха, или тувинцы-оленеводы, являются выходцами из районов Тоджи и Тере-Холя Республики Тыва, у которых традиционным занятием является оленеводство¹. Данная группа тувинцев по образу жизни и хозяйственно-культурному типу существенно отличается от тувинцев-скотоводов, проживающих в России, Монголии и Китае. В большей степени туха в хозяйственно-культурном плане близки с оленеводческими народами Восточных Саян — тувинцами-тоджинцами, тофаларами и сойотами. По историческим данным, в период господства Цинской империи в 1878 г. Хубсугульский хошун был отделен от Тузы, переименован в Хасутский и перешел в ведение цзянь-цзюня в Улясугае, но сохранил погранично-податные повинности и по отношению к амбын-найону Тузы [История Тузы 2001, 219]. Поэтому до начала XX в. территория Хубсугульского аймака входила в состав Тузы, однако Всетувинский учредительный хурал 13–16 августа 1921 г., провозгласивший создание Тувинской Народной Республики (Танну-Тыва Улус), постановил исключить Хубсугульский (Хасутский) хошун из состава Тузы [Маннай-оол 1995, 57]. После этих событий, в процессе демаркизации границы, немногочисленная группа тувинских оленеводов осталась на территории Хубсугулья и приняла гражданство Монголии [Чулуун 2014]; возможно, с ними и воссоединились тувинские беженцы, однако в памяти нынешнего поколения эти сведения отсутствуют.

¹ Тувинцы Тоджи и Тере-Холя с 2001 г. в качестве тувинцев-тоджинцев получили статус коренных малочисленных народов Сибири. У оленеводов Тоджи поголовье оленей достигает более 1000 голов; у тере-хольских — на 2024 г. имеется одно хозяйство с оленым стадом до 10 голов.

В документах из архивов Монголии отражена переписка между дипломатическими органами ТНР и МНР относительно граждан Тувы, которые группами переселялись на территорию Хубсугульского аймака [Натсак 2024, 66]. Эти документы свидетельствуют о том, что бегство тувинцев Тоджи и Тере-Холья в район Хубсугулья началось в период ТНР и шло несколькими волнами вплоть до 1950-х гг. В частности, в письме от 15 декабря 1938 г. имеется обращение с просьбой к монгольской стороне поймать сбежавших тувинцев во главе с шаманом Ыргак-Кулаком [Собрание архивных документов 2014, т. 3, 364]. Далее в письме от 25 марта 1939 г. сообщается о задержании около 30 тувинских семей и возвращении их в Тере-Холь [Там же, 374–375]; от 10 апреля 1943 г. содержится сообщение о переселении тувинцев в сумон Эренчинлхумбо Хубсугульского аймака [Там же, 406]; от 21 июня 1953 г. встречается сообщение о переселении тувинцев в сумон Эренчинлхумбо Хубсугульского аймака [Собрание архивных документов 2014, т. 4, 21–24].

В наши дни в условиях изолированного анклава у представителей разных поколений закономерно возникают вопросы о причинах разделения своего народа, попытка объяснения ухода туха-оленеводов от основного тувинского населения. Один из наших информантов, Орус, 1940 г. р., из рода урут, вспоминал: «Когда мы с родителями в 1945 г. бежали из Тоджи в Монголию, мне было 5 лет. Мы скрывались в тайге три года с 1945 по 1948 г., жили в тайге возле границы, не хотели возвращаться домой. В 1948 г. нас поймали милиционеры (шагдаа), отправили нас обратно в Тоджу. Среди нас были в основном женщины и дети, в то время большинство мужчин были на охоте, а остальные пасли оленей. В Тодже меня зачислили в начальную школу, но через некоторое время моя семья вместе с другими снова бежала в Монголию» (Зап. в Восточной Тайге, Хубсугульский аймак, 2025 г. Соб. Ж. М. Юша).

У туха-оленеводов нами зафиксированы случаи разделения тувинских семей во время бегства оленеводов в Монголию. Нередко случалось так, что тувин-

цам приходилось тайно уходить днем, когда их дети еще учились в школе. Например, в результате такого случая две родные сестры были разлучены в детстве и выросли в разных странах. Старшая сестра — Александра Чамбыловна Баран (тув. имя Шеми) в настоящее время живет в Туве в Тоора-Хеме, выросла в семье родственников, работала учителем в средней школе. Младшая сестра — Чечек (монг. имя Сайнцэцэг), выросла с родителями, живет в Восточной тайге, в местной среде считается уважаемой шаманкой.

Основными причинами ухода оленеводов из Тувы в Монголию стали различные социальные факторы: конфискация собственности зажиточных слоев населения, высокие налоги, принудительная коллективизация, репрессии против лам и шаманов, подавление антиправительственного восстания на Тере-Холе в 1932 г., переход на оседлость, неприятие новой власти ТНР и позже СССР. В наши дни называются и другие причины ухода со своей исторической родины. Например, одной из актуальных версий считается бегство из Тувы по предсказанию знаменитой шаманки Наваа, по которой тувинцы из рода урут, оставшись в Туве, были бы обречены на гибель. По другой версии причиной называют начавшуюся Вторую мировую войну, во время которой ТНР оказала непосильную помощь СССР. В эти годы оленеводы в принудительном порядке забивали большое поголовье оленей, из-за чего резко уменьшилось их количество. «Вся экономика Тоджи была направлена на помочь фронту. Забивали тысячи оленей, крупного рогатого скота для Красной Армии» [Биче-оол, Самдан 2012, 32]. Следует отметить, что беженцы из Тувы только в 1956 г. смогли стать гражданами Монголии, некоторые из них более 20 лет не имели гражданства.

В местах сезонных кочевок оленеводов в Хубсугульском аймаке до настоящего времени большое значение имеет территориальное и родоплеменное разделение в зависимости от исходного пункта Тувы. В связи с образованием сумона Цагааннур в 1985 г. в наши дни в Восточной Тайге

живут родоплеменные группы из Тоджи, в Западной Тайге — из Тере-Холя, которые и на территории Тувы занимались разведением оленей [Юша 2025, 123], эти хозяйства входят во вторую бригаду (монг. баг) Цагааннуурского сумона. Хотя данные группы оленеводов территориально разобщены, они помнят места исхода их предков с исторической родины, их объединяет общая туха идентичность, традиционная культура, родной язык и хозяйственно-культурный тип.

Если обратить внимание на места исхода оленеводов из Тувы, то район Тере-Холя граничит с Монголией, территория Тоджи находится севернее — на Восточных Саянах, где проходит граница Тувы с Иркутской областью и Бурятией. Как объясняют тере-хольские тувинцы, до середины XX в. оленеводы Тоджи и Тере-Холя активно контактировали через Бус тайгу, находящуюся между этими районами, по которой проходила оленя тропа. Бус тайгу также упоминают и туха-оленеводы, которые считают, что через эту тайгу тувинцы-тоджинцы и приехали в Хубсугул. Местные жители считают, что от их мест проживания недалеко находятся населенный пункт Кунгуртуг и местность Тарыс Тере-Хольского кожууна Республики Тува. По утверждению тере-хольских и хубсугульских оленеводов, в 1970-е гг. в Бус тайге они тайно устраивали встречи с родственниками, живущими по обе стороны границы.

Вплоть до 1970-х гг. тоджинская группа тувинцев (в отличие от тере-хольских тувинцев, живших раньше в соседстве с монгольскими народами) хорошо владела родным языком; в семье они общались исключительно на родном языке, поэтому дети поступали в школу без знания монгольского языка.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

На основе полевых материалов в нашей работе рассматривается современное состояние этнической группы туха с учетом следующих важных факторов: самоназвание и идентичность, этнический состав,

численность, религиозная сфера и языковая ситуация.

Оленеводы Монголии до настоящего времени сохраняют самоназвание *туха* (фонетический вариант этнонима *тыва*), которое подтверждается историческими сведениями: «...население Хубсугульского хошуна еще в конце XIX в. называло себя “туфа” или “туха”» [История Тувы 2001, 227]. С середины XX в. монгольские народности называют их цаатанами (в переводе с монгольского *цаа* означает «олень», *цаатан* — «имеющий оленей»), подчеркивая их хозяйственную деятельность, отличную от скотоводов-монголов. Как считают сами туха, при необходимости указания рода деятельности по правилам монгольского языка наиболее употребительным является слово *цаа + чин* «оленевод» (ср. мал + чин «скотовод»), тогда как *цаа + тан* показывает «наличие оленей». В наши дни многие представители туха недовольны этнонимом цаатан для обозначения их народа. Им кажется, что цаатан звучит как обидное прозвище и имеет уничижительную окраску, в то время как туха имеют этническое самоназвание, богатую традиционную культуру. От представителей туха можно услышать подобные высказывания: «Мы же монголов не называем чабанами по их хозяйственной деятельности, а нас прозвали так. Было бы лучше, если бы они нас называли туха» (ПМА 2025). Схожие реплики оленеводов о новообразованном этнониме цаатан отмечают и другие исследователи: «Цаатан, как полагают информанты, означает “имеющий оленей”, и в этом есть что-то уничижительное» [Сыртыпова, Наранцэцэг 2023, 183].

В условиях иноэтнической среды в настоящее время туха не имеют прямых и длительных контактов с материнским этносом, а также монгольскими тувинцами-скотоводами из-за обособленности района их проживания. Применение самоназвания туха в основном проявляется не только в среде своих соплеменников, но и во время редких встреч с представителями монгольских, российских или китайских тувинцев, приезжающих к ним в эти края. Несмотря на обособленное положение и

отдаленность от остальных тувинцев России, Монголии и Китая, туха считают себя неразрывной частью тувинского этноса, исторической родиной своих предков называют Туву. Всех тувинцев, проживающих в разных странах, они называют так же, как и себя — туха/туха кижи, что подчеркивает одинаковую этническую идентичность и принадлежность к одной нации.

В настоящее время, хотя туха не воспринимают себя цаатанами, в монгольской среде по устоявшемуся шаблону в различных ситуациях они вынуждены применять данный этноним, поскольку они в качестве туха неизвестны другим народам Монголии. В связи с данными обстоятельствами в научной литературе и средствах массовой информации в обозначении этнонима данной этнической группы отмечается разнобой, используются различные наименования — цаатан, духа/туха, тува цаатан, туха-оленеводы, тувинцы-оленеводы, хубсугульские оленеводы, цаган-нурские оленеводы, оленеводы Дархатской котловины. Как рассмотрели выше, это связано с тем, что туха долгое время живут в иноэтнической среде и в официальной статистике отнесены к цаатанам, их этническое самоназвание игнорируется местной властью и соседними народами, из-за чего данная группа приобрела новый этноним, который стал узнаваем в Монголии. Как отмечает С. Чулун, «...в Монголии не принято решение об отнесении цаатанов к нации или народности» [Чулун 2014, 47], т. е. статус оленеводов до сих пор официально не подтвержден.

В определении этнической идентичности ключевыми факторами у туха служат следующие показатели: самоназвание народа, общее историческое прошлое, этническая принадлежность родителей, родной язык, хозяйственно-культурный тип, традиции, религиозные представления, обычаи и обряды. Представители туха образ своего народа оценивают как положительный, у индивидов есть потребность в идентификации со своей этнической группой. При наличии межнациональных браков с дархатами или халха-монголами по принятой традиции

родовая принадлежность определяется по отцовской линии.

Современный этнический состав туха состоит из следующих родоплеменных групп (тув. *сөөк*): *соян*, *балыгины*, *куулар*, *чооду*, *урат*. В свою очередь, родоплеменные группы подразделяются на мелкие патронимии. Род *соян* делится на шесть подгрупп — *ак соян*, *сарыг соян*, *кызыл соян*, *кара соян*, *кезек соян*, *оргу соян*. Сеок *балыгины* состоит из четырех подгрупп — *атыг-балыкины*, *кыдай-балыкины*, *улуг-балыкины*, *чугэр-балыкины*. Родоплеменная группа *куулар* подразделяется на такие патронимии, как *куулар*, *сарыг куулар*. Род *чооду* состоит из одной группы — *кара чооду*. Из них роды *соян*, *чооду*, *куулар* встречаются в этническом составе тувинцев России, Монголии, Китая, род *балыкины* — у тере-хольских тувинцев. Аналогичные роды встречаются у тувинцев-тоджинцев: *соян*, *куулар* (*кезек-куулар*) и *чооду* (*ак-чооду*, *кара-чооду*) [Вайнштейн 2008, 31], *кара соян*, *сарыг соян*, *кара балыкчы* [Вайнштейн 1961, 39–40]. Во время нашей полевой работы информанты подчеркивали, что имеющиеся у них роды малочисленны, их большая часть проживает в районах Тере-Холя и Тоджи Республики Тува.

По сведениям местной администрации сумона Цагааннуур, численность туха-оленеводов, получающих государственные субсидии в 2025 г., составляет всего 367 человек, из них взрослых — 216, детей до 18 лет — 151. Взрослые получают 488 тыс. тугриков, дети — 244 тыс. тугриков. Однако общее число туха в Монголии не установлено, поскольку в это число не входят представители туха, работающие в различных учреждениях сумона Цагааннуур, городах Морен, Улаанбаатар, Эрдэнэт и др.

В 2013 г. в целях укрепления родственных связей между туха-оленеводами и тувинцами-тоджинцами был принят «государственный указ о свободном взаимном посещении монгольских тувинцев с единоплеменниками из Тувы. Государство компенсирует дорожные расходы цаатанов для посещения раз в три года родственников, живущих в Тоджинском кожууне Республики Тува» [Сыртыпова,

Наранцэцэг 2023, 174]. На сегодняшний день многие оленеводы несколько раз на-вещали близких родственников, живущих в Тодже, однако посетить Тере-Холь пока не удается, поскольку этот район Тувы является пограничной зоной, запрещен-ным для въезда иностранцев. Возможно, поэтому в принятом указе наравне с Тод-жинским кожууном отсутствует название Тере-Хольского кожууна.

В религиозной сфере у туха-оленеводов повсеместно развита шаманская традиция, которая имеет общие черты с шаманизмом тоджинских и тере-холь-ских тувинцев. В таежных местах про-живания оленеводов в настоящее время ведут обрядовую практику три уважа-емых шамана. В каждом чуме или в по-селковом доме в почетной части жилища имеются шаманские эрены, для защиты семьи и их обитателей, изготовленные культовыми специалистами. Несмотря на сильную приверженность тувинцев к шаманизму, последние пять лет в тай-гу к оленеводам три раза в год ежегодно приезжают корейские миссионеры. Они устраивают концерты, читают лекции христианской тематики, бесплатно раз-дают лекарства и продукты. Однако ни-кто из оленеводов еще не пополнил ряды протестантов, несмотря на их мощную агитационную работу. Как отмечает А. В. Михалев, в Монголии наблюдается широ-кое распространение протестантского на-правления христианства [Михалев 2012, 126]. Подобная активность корейских протестантских сект среди тувинского населения наблюдалась и в Туве в начале 2000-х гг. [Мышлявцев, Юша 2002].

В наши дни в среде туха родным языком хорошо владеет среднее и пожилое поколе-ние. Если в 1970-е гг. дошкольники не вла-дели монгольским языком, то в последние годы для детей монгольский язык явля-ется важным средством общения в семье еще до поступления в школу, на формиро-вание языковых навыков на монгольском влияют современные средства: телевиде-ние, мультипликационные фильмы, теле-фонные игры, Интернет и др. В целом хорошо зная монгольский язык, туха-оле-

неводы без труда интегрируются в сельское общество Цагааннуура, которое в основном состоит из представителей монгольских народов: дархаты, буряты, халха-монголы. В настоящее время сред-нее и пожилое поколение туха являются билингвами, хорошо знающими родной и монгольский языки. В традиции имянаре-чения взрослые и дети обычно имеют два имени: тувинское и монгольское (ср. тув. Шонгуур — монг. Делгирсөт; тув. Чечек — монг. Сайнцэцэг). Первое имя использует-ся как домашнее в семье и среди сородичей, второе — в официальных документах. По-мимо этого, в таежных районах местности, горы, реки и уроцища имеют тувинские названия, отсутствуют монгольские, по-скольку в тайге живут только оленеводы. Монгольские топонимы, бытующие в ме-стах проживания монгольских народов, в окружении соплеменников оленеводы обычно употребляют на тувинском языке: озеро Цагааннуур (монг.) — Ак-Хөл (тув.), Зуун тайга (монг.) — Чөөн тайга (тув.), Улаан уул (монг.) — Кызыл даг (тув.) и др.

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Календарные обряды туха имеют отли-чительные особенности по сравнению с обрядами монгольских народов, у кото-рых основным хозяйственным занятием является скотоводство. В летнее время оленеводы, как и раньше, обряд освяще-ние обо не проводят, тогда как для дархатов и халха-монголов Хубсугула данный ритуал — один из обязательных еже-годных обрядов. Однако, проходя мимо монгольских обо, они кладут камень в его основание, тем самым поклоняясь духу — хозяину этой местности.

В праздновании *Надома* — летнего праздника скотоводов (в нынешнем значении), который отмечается по всей Мон-голии в июле, туха-оленеводы раньше не участвовали, поскольку в их таежной куль-туре подобной традиции не было. Однако в последнее десятилетие в связи с требова-нием властей сомона, не имеющих четкого представления о ведении оленеводческого хозяйства, представители туха, которые

в это время пасут оленей в горах, принимают участие в Надоме совместно с дархатами и халха-монголами. Они спускаются с таежных пастбищ и во время торжеств устраивают олени скаки в жаркую летнюю погоду, что губительно оказывается на самочувствии животных. Как считают туха, олени очень плохо переносят жару, из-за чего может возникнуть опасная болезнь *изиглээр* (букв. «болеть от жары»).

Встречу Нового года по лунному календарю у всех родоплеменных тувинских групп именуют Шагаа, но туха-оленеводы новогодний период называют «Ак ай» (Белый месяц), что созвучно с монгольским «Цагаан сар» (Белый месяц). По материалам С. И. Вайнштейна, тувинцы-тоджинцы первый зимний месяц — февраль именовали словом «Ак ай» [Вайнштейн 1961], что говорит о существовании давней традиции обозначения месяцев еще до прихода в Хубсугул. Новшеством в цикле обрядов первого дня наступившего года стало проведение некоторыми семьями ритуала *чук ундуурер* («выйти на благоприятную сторону»), обычно практикуемого соседними народами — дархатами и халха-монголами. Для представителей туха данный обряд постепенно становится так же важным, так как он связан с поверью о том, что в зависимости от года рождения человека по 12-летнему животному календарю в наступившем году первые шаги человека вне жилища должны быть направлены в благоприятную сторону света, чтобы обеспечить себе удачный год.

В ритуалах детского цикла, по утверждению респондентов старшего и среднего возраста, обряд первой стрижки волос ребенка «Дук байыры» начали проводить в последние пять-шесть лет, раньше у них не было обычая устраивать подобное действие. По их сообщению, этот обряд они переняли от соседствующих дархатов, у которых он является одним из обязательных, что, в сущности, объясняет тот факт, что первая стрижка ребенка проводится не во всех семьях туха-оленеводов.

Одним из мифологических персонажей, хорошо известным оленеводам Монголии и Тувы, является Бадыкшаан. Пред-

ставления о нем у туха имеют некоторые отличия, что объясняется тем, что в их ан-клавной традиции в связи с отсутствием активных контактов с тере-хольскими тувинцами идет постепенная локализация и трансформация мифологических воззрений. В первую очередь обращает на себя внимание представление о разнополости данного персонажа. Если у тере-хольских тувинцев Республики Тыва в мифологических рассказах Бадыкшаан — двух-трехлетний мальчик, живущий в тайге (редко — бесполое существо), то у туха его представляют двух-трехлетней девочкой или в некоторых случаях не упоминают про ее возраст, называя просто маленькой девочкой: «*Бадыкшаан бичии уруг боор*» (Бадыкшаан — это маленькая девочка) (Зап. от Төвшөн, 1983 г. р., из рода урат, Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша).

Для оленеводов обеих групп общими оказываются действия, совершаемые Бадыкшааном, связанные с его приходом в чум и употреблением молочных продуктов, имеющие прогностическую функцию. Если он/она зайдет в чум, выпьет оленье молоко, поест сливки, это считается хорошим предзнаменованием для хозяев. Такое поведение Бадыкшаана приводит к умножению поголовья оленей, к благополучию детей и взрослых, их будут миновать не-взгоды, несчастья и болезни: «*Бадыкшаан хөнектин судун соруп ижил, өрөмезин чип каарга, эки боор алга*» (Если Бадыкшаан из чайника молоко высосет, поест сливки, для этой семьи хорошее <случится>) (Зап. от Очурбаты, 1961 г. р., из рода балыкши, Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша); «*Бадыкшаан сут ижил каарга, эки. Иви мал өзэр, уруг-тарыг аарыг болбас, экини оштаар*» (Если Бадыкшаан выпьет молоко, то это хорошо. Поголовье оленей будет расти, дети не будут болеть, это предвещает хорошее) (Зап. от Хатбаатыра, 1978 г. р., из рода урат, Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша). Если же Бадыкшаан, придя в чум, не выпьет оленьего молока и не поест сливок, подобный отказ считается

плохим предвестием, в будущем это приведет к сокращению поголовья оленей и распространению болезней среди людей и скота. Кроме этого, нередко Бадыкшаан может выступать в роли хозяина/хозяйки определенной местности, тайги или горы: «Чер ээзи бичии ург Бадыкшаан» (Маленькая девочка Бадыкшаан) — дух — хозяйка местности (Зап. от Батбаяра, 1995 г. р., из рода балыкши, Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша); «Дагныц ээзи Бадыкшаан» (Бадыкшаан — дух-хозяйка горы) (Зап. от Товшон, 1983 г. р., из рода урат, Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша).

Верят, что Бадыкшаан показывается хорошим людям и в зависимости от хорошего к нему/к ней отношения люди могут привлечь удачу и благополучие: «Бадыкшаан эки кижиге көстүр, ол кижиге эки боор — узун харлаар, аарып-човавас, ивизи эки озэр» (Бадыкшаан показывается хорошему человеку, этот человек будет удачливым — проживет долгую жизнь, не будет болеть, поголовье его оленей будет увеличиваться) (Зап. от Бурбээ, 1958 г. р., из рода урат, Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша); «Бадыкшаан эки кижизинге эки, баък кижизинге баък болур» (Бадыкшаан к кому благоволит — ему будет хорошо, к кому плохо относится — ему будет плохо) (Зап. от Очуржап, 1970 г. р., из рода балыкши, Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша).

В обеих оленеводческих традициях одним из обязательных действий Бадыкшиана, после того как он/она в чуме выпьет молоко и поест сливки, является украшение оленей разнообразными цветами. Считают, что он/она любит играть с рогами оленей, выворачивает их наизнанку, раскрашивает их яркими или темными природными красками. У тере-хольских тувинцев: «Бадыкшаан ивилерниц мыйысын аңдара тыртып каар, будуктап каар шивит-бile. Кандыг-даа өңүг болур — кара, кызыл, көк» (Бадыкшаан рога оленей выворачивает наизнанку, краской их закрашивает) (Зап. от М. А. Хурбе, 1964 г. р.,

из рода соян, Тере-Хольский кожуун, Республика Тыва. 2024 г. Соб. Ж. М. Юша); у туха-оленеводов: «Бадыкшиаан ивииң мыйысын ээп каар, мыйысын кызыл өңбile будуур, мага-бодун база» (Бадыкшаан рога оленей выворачивает, рога красит красной краской, остальные части тоже) (Зап. от Чечек, 1966 г. р., из рода балыкши, Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша).

Как считают оленеводы, Бадыкшаан бывает активным только в теплое время года, зимой он/она спит и просыпается с наступлением весны: «Чылыг уеде Бадакшиаан көстүр» (В теплое время виден Бадакшиаан) (Зап. от Хатбаатыра, 1978 г. р., из рода урат, Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша); у тере-хольских тувинцев: «Бадыкшиаан кыжын турбас, чайын тыптып кээр» (Бадыкшиана зимой не бывает, он летом появляется) (Зап. от К. Н. Сержи, 1942 г. р., Тере-Хольский кожуун, Республика Тыва. 2024 г. Соб. Ж. М. Юша).

К отличительным признакам образа Бадыкшиана, отсутствующим у оленеводов Монголии, относятся следующие. У тере-хольских тувинцев Бадыкшаан приходит к жилищам людей, зазывает к себе детей, чтобы поиграть с ними: «Бадыкшиаан урруглар-бile ойнаар, оон чандырыптар» (Бадыкшиан с детьми играет, потом их отправляет домой) (Зап. от К. Н. Сержи, 1942 г. р., Тере-Хольский кожуун, Республика Тыва. 2024 г. Соб. Ж. М. Юша). Подобный сюжет у туха-оленеводов не зафиксирован.

Тере-хольцы уверены, что в зимнее время Бадыкшаан спит в тайге возле скал и пещер, при этом его замерзшие сопли упираются в землю: «Он бир-он иии айда соорга, Бадыкшиаан хаяларже чоруптар. Думаазы черге чыпшинар, боттары база думаазы-бile хаяга чыпшинып каар» (В ноябре-декабре, когда похолодает, Бадыкшаан уходит к скалам. Его замерзшие сопли упираются в землю, сам тоже соплями к скалам приклеивается) (Зап. от М. А. Хурбе, 1964 г. р., из рода соян, Тере-Хольский кожуун, Республика Тыва. 2024 г. Соб. Ж. М. Юша); У туха-олене-

водов отсутствуют такие подробности зимнего сна мифологического персонажа: «Бадыкшаан кышиын үдүй бээр» (Бадыкшаан спит зимой) (Зап. от Камбата, 1960 г. р., Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша); «Бадыкшаан кышиын көзүлбес, кыжын чораан дивес-ле чиве, чайын дээр» (Зимой Бадыкшаана не видно, чтобы зимой <её видели> не говорят, летом <её видят>) (Зап. от Мунхоо, 1952 г. р., из рода балыкши, Восточная Тайга, Хубсугульский аймак, Монголия. 2025 г. Соб. Ж. М. Юша).

Таким образом, в условиях разделенного этноса традиционная культура туха-оленеводов до настоящего времени сохраняет общность мифологических представлений и архаичных элементов в обрядовой сфере, присущую таежной оленеводческой культуре. Обнаруживаются сходные черты и общие истоки, наглядно иллюстрирующие тесную связь с исторической родиной Республики Тыва и местами исхода оленеводов, в которых живут их родственники — тувинцы-тоджинцы и тере-хольские тувинцы. Однако с течением времени в анклавной традиции туха-оленеводов происходит локализация мифологических представлений и трансформация исконной обрядовой практики, в них появляются местные особенности и заимствованные новшества, идет постепенный процесс вживания в местную культуру монгольских скотоводов.

Источники и материалы

Собрание архивных документов 2014 — Собрание архивных документов по истории Тывы: В 4 т. Т. 3: (1921–1944); Т. 4: (1944–1991). Улаанбаатар: Кызыл, 2014.

Исследования

Бадамхатан 1996 — *Бадамхатан* С. Тува цаатан // Монгол Улсын Угсаатний цуй. Улаанбаатар, 1996. С. 300–329. На монг. яз.

Биче-оол, Самдан 2012 — *Биче-оол* С. М., *Самдан* А. А. Оленеводы Восточных Саян Республики Тыва и Монголии // Вестник Тувинского государственного университета. 2012. № 1. С. 31–37.

Вайнштейн 1961 — *Вайнштейн* С. И. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во вост. лит., 1961.

Вайнштейн 2009 — *Вайнштейн* С. И. Загадочная Тува. М.: Домашняя газета, 2009.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Туха, или оленеводы Монголии, являются потомками выходцев из Тере-Холя и Тоджи, которые в условиях анклава не утратили этнической идентичности, родного языка, хозяйственной деятельности и традиционной культуры. Их уход из родной Тувы сопровождался несколькими волнами и был связан с различными социально-экономическими факторами периода ТНР и СССР. В настоящее время наблюдается неприятие туха новообразованного этнонима цаатан, распространенного в Монголии для обозначения оленеводов, поскольку этническая идентичность малочисленной группы тесно связана с устойчивым самоназванием туха, ощущением себя неразрывной частью тувинского народа. В религиозной сфере оленеводы остаются приверженцами шаманизма, несмотря на активные усилия корейских миссионеров обратить их в другую веру. Языковая ситуация в условиях иноэтнической среды характеризуется постепенным языковым сдвигом, утратой родного языка детьми. В то же время заметен билингвизм среднего и старшего поколений, сохраняются особенности имнаречения на двух языках (родном и монгольском), использование топонимов на родном языке. В условиях современного анклава в мифологии и обрядовой практике отмечены устойчивые черты, в то же время происходят трансформационные процессы.

История Тывы 2001 — История Тывы. Т. 1 / Под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001.

Куулар — *Куулар* Е. М. Особенности речи цаатанов Хубсугульского аймака Монголии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). С. 127–130.

Маннай-оол 2004 — *Маннай-оол* М. Х. Тувинцы: Происхождение тувинского народа. Новосибирск: Наука, 2004.

Мышлявцев, Юша 2002 — *Мышлявцев* Б. А., *Юша* Ж. М. Протестантизм и его влияние на этнические процессы в современной Туве // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2002. С. 96–104.

Натсак 2024 — *Натсак* О. Д. Миграционные процессы и этническая структура населения Тывы в XIX — первой половине XX в. // Азиат-

ские исследования: история и современность. 2024. № 4 (2). С. 46–71.

Серен 2014 — Серен П. С. Мoolда Цагаан-нур тываларынын чанчылдары (дылынын, культуразынын материалдары). Кызыл: ААН «Тываполиграф», 2014. (Обряды и обычай тувинцев Монголии: (Материалы языка, культуры) На тув. яз.

Сувандий, Куулар 2017 — Сувандий Н. Д., Кулар Е. М. Этнические тувинцы сумона Цагаан-Нур Монголии: исследовательские проблемы // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 52–58.

Сыртыпова, Наранцэцэг 2023 — Сыртыпова С.-Х. Д., Наранцэцэг Д. Оленеводы Дархатской котловины, или Как живет малочисленный на-

род Монголии цаатаны // Этнография. 2023. № 2 (20). С. 163–188.

Чулун 2014 — Чулун С. Тувинцы-цаатаны Монголии и государственная политика // Единая Тува в единой России: история, современность, перспективы: Матер. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию единения России и Тувы (3–4 июля 2014 г.): В 2 ч. Ч. I. Кызыл, 2014.

Юша 2025 — Юша Ж. М. Тувинцы Монголии: современная специфика анклавной традиции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2025. № 3. С. 217–226.

Ragagnin 2011 — Ragagnin E. Dukhan, a Turkic Variety of Northern Mongolia Description and Analysis. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011.

© Ж. М. Юша, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Юша Ж. М. <https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3, тел.: +7 (812) 328-08-11; e-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

The Tukha Reindeer Herders of Mongolia: Historical Milestones and Current Situation

Zhanna M. Yusha

(Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences: 3, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

Summary. Based on both published and new field materials, this article describes important historical events of the twentieth century that occurred in the life of Mongolian Tukha reindeer herders and analyzes the current state of this ethnic group, which is poorly studied. It examines the departure of reindeer herders from Tuva to the Khubsugul Aimag of Mongolia, and identifies its key socio-economic causes. It also analyzes the current state of the group, its self-designation and identity, and provides information about the ethnic composition of the Tukh and their number. Attention is paid to the newly formed ethnonym “tsaatan,” meaning of “having deer,” which is common in Mongolia to refer to reindeer herders who take part in economic activities different from Mongolian cattle breeders. The article notes the commitment of reindeer herders to the shamanic tradition despite the efforts of Korean missionaries to convert them to another faith. It also describes the difficulties of the linguistic situation of a small group in an alien environment: the loss of their native language by children; the bilingualism of the middle and older generations; the peculiarities of naming in two languages (in their native tongue and Mongolian); and the use of place names in their native language. Finally, the author describes the preservation and variability of some mythological conceptions and ritual practices among the reindeer herders in conditions of the modern enclave; these are shown by comparison with the Tere-Khol Tuvans using the example of the mythological character Badykshan and calendar celebrations and rituals.

Key words: Tukha reindeer herders, cross-border regions of Tuva and Mongolia, historical events of the twentieth century, the current state of the enclave tradition, mythological representations and ritual traditions.

Received: September 16, 2025.

Date of publication: December 25, 2025.

For citation: Yusha Zh. M. The Tukha Reindeer Herders of Mongolia: Historical Milestones and Current Situation. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 4. Pp. 111–121. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.4.009>

References

- Badamhatan S.** (1996) Tuva tsaaatan [Tuvan Tsaatan]. In: Mongol Ulsyn Ugsaatnij cuj. Ulaanbaatar. Pp. 300–329. In Mongolian.
- Biche-ool S. M., Samdan A. A.** (2012) Olenevody Vostochnykh Sayan Respubliki Tyva i Mongolii [Reindeer Herders of the Eastern Sayans, the Republic of Tuva and Mongolia]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tuva State University]. 2012. No. 1. Pp. 31–37. In Russian.
- Chuluun S.** (2014) Tuvintsy-tsaatany Mongolii i gosudarstvennaya politika [The Tsaatan Tuvans of Mongolia and State Policy]. Edinaya Tuva v edinoj Rossii: istoriya, sovremenność, perspektivy [United Tuva in a United Russia: History, Modernity, Prospects]. Part 2. Kyzyl. In Russian.
- Kuular E. M.** (2015) Osobennosti rechi tsaaatanov Khubsugul'skogo aimaka Mongolii [Peculiarities of the Speech of the Tsaatans of the Khuvsgul Aimag of Mongolia]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. 2015. No. 3 (45). Pp. 127–130. In Russian.
- Mannay-ool M. H.** (2004) Tuvintsy: Proiskhozhdenie tuvinskogo naroda [Tuvs: The Origin of the Tuvan People]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.
- Myshlyavtsev B. A., Yusha Zh. M.** (2002) Protestantizm i ego vliyanie na etnicheskie processy v sovremennoi Tuve [Protestantism and Its Influence on Ethnic Processes in Modern Tuva]. In: Problemy mezhetnicheskogo vzaimodejstviya narodov Sibiri [Problems of Interethnic Interaction Among the Peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. Pp. 96–104. In Russian.
- Natsak O. D.** (2024) Migratsionnye processy i etnicheskaya struktura naseleniya Tuvy v XIX — pervoi polovine XX v. [Migration Processes and Ethnic Structure of the Population of Tuva in the Nineteenth — First Half of the Twentieth Centuries].
- Aziatkie issledovaniya: istoriya i sovremenność** [Asian Studies: History and Modernity]. 2024. No. 4 (2). Pp. 46–71. In Russian.
- Seren P. S.** (2014) Moolda tivalarnin chanchildari (dilinin, kul'turazinin materialdari) [Rites and Customs of the Tuvans of Mongolia: (Materials of Language, Culture)]. Kyzyl: AAN «Tyvapolygraf». In Tuvan.
- Suvandii N. D., Kuular E. M.** (2017) Etnicheskie tuvintsy sumona Cagaan-Nuur Mongolii: issledovatel'skie problemy [Ethnic Tuvans of Tsagaan-Nuur Sumon of Mongolia: Research Problems]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research in Tuva]. 2017. No. 1. Pp. 52–58. In Russian.
- Syrtypova S.-H. D., Naranceceg D.** (2023) Olenevody Darhatskoj kotloviny, ili kak zhivet malochislennyi narod Mongolii caatany [Reindeer Herders of the Darkhatskaya Basin, or How the Small Nation of the Tsaatans Live in Mongolia]. *Etnografiya* [Ethnography]. 2023. No. 2 (20). Pp. 163–188. In Russian.
- Vajnshtein S. I.** (1961) Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tuvans-Todzhins. Historical and Ethnographic Essays]. Moscow: Izd-vo vost. lit. In Russian.
- Vajnshtein S. I.** (2009) Zagadochnaya Tuva [Mysterious Tuva]. Moscow: Domashnyaya gazeta. In Russian.
- Vajnshtein S. I., Mannai-oola M. H. (eds.)** (2001) *Istoriya Tuvy* [History of Tuva]. Vol 1. Novosibirsk: Nauka. In Russian.
- Yusha Zh. M.** (2025) Tuvintsy Mongolii: sovremennoya specifika anklavnoi traditsii [The Tuvins of Mongolia: The Modern Specifics of an Enclave Tradition]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremenność* [The East. Afro-Asian Societies: History and Modernity]. 2025. No. 3. Pp. 217–226. In Russian.

© Zh. M. Yusha, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Zhanna M. Yusha <https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>

E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

Tel.: +7 (812) 328-08-11

3, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

DSc in Philology, Leading Research Fellow, Department of Ethnography of Siberia, Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)